

minibo**OK**

РЭЙ БРЭДБЕРИ

**ЛЕТНЕЕ УТРО,
ЛЕТНЯЯ НОЧЬ**

**Москва
2016**

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Ray Bradbury
SUMMER MORNING, SUMMER NIGHT
Copyright © 2008 by Ray Bradbury

Перевод с английского *Елены Петровой*

Брэдбери, Рэй.
Б89 Летнее утро, летняя ночь / Рэй Брэдбери ; [пер. с англ. Е. С. Петровой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 128 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-89883-1

«Летнее утро, летняя ночь» — один из новейших сборников рассказов великого мастера, которому в августе 2010 года исполнилось 90 лет. Выпущенная под Хеллоуин 2008-го, эта книга представляет собой третий том в каноне, начатом классическим романом «Вино из одуванчиков» и продолженным через полвека романом «Лето, прощай».

Здесь под одной обложкой собраны 27 рассказов (одни из них совсем новые, другие представлены в первоначальной авторской редакции), действие которых происходит в любимом с детства миллионами читателей городке Гринтаун — городе, где аромат зреющих яблок дурманит голову, первая любовь обещает быть вечной, а лето не кончается никогда...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Петрова Е., перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-89883-1

Джону Эллеру, с любовью.
Рэй

Текст рассказа «Лето кончилось» основан на версии, отобранной автором для сборника «Возждение вслепую» (1997). Тексты остальных ранее публиковавшихся рассказов, включенных в настоящий сборник, основаны на самых ранних опубликованных вариантах. Я признателен Дэвиду Спичу, моему коллеге по Институту американской философии при Университете штата Индиана, за редактирование этого сборника.

ЛЕТО КОНЧИЛОСЬ

1948

Два. Один. Два. Хэтти замерла в постели, беззвучно считая тягучие, неторопливые удары курантов на здании суда. Под башней пролегли сонные улицы, а эти городские часы, круглые и белые, сделались похожими на полную луну, которая в конце лета неизменно заливала городок ледяным сиянием. У Хэтти зашло сердце.

Она вскочила, чтобы окинуть взглядом пустые аллеи, прочертившие темную, неподвижную траву. На крыльце едва слышно поскрипывало растревоженное ветром кресло-качалка.

Глядя в зеркало, она распустила тугую учительскую кичку, и длинные волосы каскадом заструились по плечам. То-то удивились бы ученики, подумала она, случись им увидеть эти блестящие черные волны. Совсем неплохо, если тебе уже стукнуло тридцать пять. Дрожащие руки вытащили из комода несколько припрятанных подалее маленьких свертков. Губная помада, румяна, карандаш для бровей, лак для ногтей. Воздушное нежно-голубое платье, как облачко тумана. Стянув невзрачную ночную сорочку, она бросила ее на пол, ступила босыми ногами на грубую материю и через голову надела платье.

Увлажнила капельками духов мочки ушей, провела помадой по нервным губам, оттенила брови, торопливо накрасила ногти.

Готово.

Она вышла на лестничную площадку спящего дома. С опаской взглянула на три белые двери: вдруг распахнутся? Прислонившись к стене, помедлила.

В коридор так никто и не выглянул. Хэтти показала язык сначала одной двери, потом двум другим.

Пока она спускалась вниз, на лестнице не скрипнула ни одна ступенька; теперь путь лежал на освещенное луной крыльцо, а оттуда — на притихшую улицу.

Воздух уже был напоен ночными ароматами сентября. Асфальт, еще хранивший тепло, согревал ее худые, не знающие загара ноги.

— Как давно я хотела это сделать.

Она сорвала кроваво-красную розу, чтобы воткнуть ее в черные волосы, немного помедлила и обратилась к зашторенным глазницам окон своего дома:

— Никто не догадается, что я сейчас буду делать.

Она покружилась, любуясь своим летящим платьем.

Вдоль череды деревьев и тусклых фонарей бесшумно ступали босые ступни. Каждый куст, каждый забор будто бы представлял перед ней заново, и от этого рождалось недоумение: «Почему же я раньше на такое не отважилась?» Сойдя с асфальта на росистую лужайку, она нарочно помедлила, чтобы ощутить колючую прохладу травы.

Патрульный полицейский, мистер Уолтцер, шагал по Глен-Бэй-стрит, напевая тенорком что-то грустное. Хэтти скользнула за дерево и, прислушиваясь к его пению, проводила глазами широкую спину.

Возле здания суда было совсем тихо, если не считать, что сама она пару раз ударилась пальцами ног о ступени ржавой пожарной лестницы. На верхней площадке, у карниза, над которым серебрился циферблат городских часов, она вытянула вперед руки.

Вот он, внизу — спящий городишко!

Тысячи крыш поблескивали от лунного снега.

Она грозила кулаком и строила гримасы ночному городу. Повернувшись в сторону пригорода, издевательски вздернула подол. Закружилась в танце и безмолвно засмеялась, а потом четыре раза щелкнула пальцами в разные стороны.

Не прошло и минуты, как она с горящими глазами бежала по шелковистым городским газонам.

Теперь перед нею возник дом шепотов.

Притаившись под совершенно определенным окном, она услышала, что из тайной комнаты доносятся два голоса: мужской и женский.

Хэтти оперлась о стену; ее слуха достигали только шепоты, шепоты. Они, как два мотылька, трепетали изнутри, бились об оконное стекло. Потом раздался приглушенный, неблизкий смех.

Хэтти подняла руку к ставням; лицо приняло благоговейное выражение. Над верхней губой проступили бисеринки пота.

— Что это было? — вскрикнул находившийся за стеклом мужчина.

Тут Хэтти, подобно облачку тумана, метнулась в сторону и растворилась в ночи.

Она долго бежала, прежде чем снова задержаться у окна, но уже совсем в другом месте.

В залитой светом ванной комнате — не иначе как это была единственная освещенная комната на весь городок — стоял молодой человек, который, позевывая, тщательно брился перед зеркалом. Черноволосый, голубоглазый, двадцати семи лет от роду, он служил на железнодорожном вокзале и ежедневно брал на работу металлическую коробочку, в которой лежали бутерброды с ветчиной. Промокнув лицо полотенцем, он погасил свет.

Хэтти притаилась под кроной векового дуба — прильнула к стволу, где сплошная паутина да еще какой-то налет. Щелкнул наружный замок, скрипнул гравий под ногами, звякнула металлическая крышка. Когда в воздухе повеяло запахами табака и свежего мыла, ей даже не пришлось оборачиваться, чтобы понять: он проходит мимо.

Насвистывая сквозь зубы, он двинулся по улице в сторону оврага. Она — за ним, перебегая от дерева к дереву: то белой вуалью летела за ильмовый ствол, то лунной тенью укрывалась за дубом. В какой-то миг человек обернулся. Она едва успела спрятаться. С бьющимся сердцем выждала. Тишина. Потом опять его шаги.

Он насвистывал «Июньскую ночь».

Радуга огней, укрепленных над краем обрыва, швыряла его собственную тень прямо ему под ноги. Хэтти была на расстоянии вытянутой руки, за вековым каштановым деревом.

Вторично остановившись, он больше не стал оглядываться. Просто втянул носом воздух.

Ночной ветер принес аромат ее духов на другой край оврага, как у нее и было задумано.

Она не шевелилась. Сейчас был не ее ход. Обессиленный от бешеного сердцебиения, она прижималась к дереву.

Казалось, битый час он не решался сделать ни шагу. Ей было слышно, как под его ботинками покорно распадается роса. Теплые запахи табака и свежего мыла повеяли совсем близко.

Он коснулся ее запястья. Она не открывала глаз. А он не произнес ни звука.

Где-то в отдалении городские часы пробили три раза.

Его губы бережно и легко накрыли ее рот.

Потом тронули ухо. Он прижал ее к стволу. И зашептал. Вот, оказывается, кто подглядывал к нему в окна три ночи подряд! Он коснулся губами ее шеи. Вот, значит, кто крадучись шел за ним по пятам прошлой ночью! Он взгляделся в ее лицо. Тени густых ветвей мягко легли на ее губы, щеки, лоб, и только глаза, горевшие живым бле-

ском, невозможно было спрятать. Она чудо как хороша — известно ли это ей самой? До недавних пор он считал ее наваждением. Его смех был не громче тайного шепота. Не сводя с нее глаз, он опустил руку в карман. Зажег спичку и поднял на высоту ее лица, чтобы лучше разглядеть, но она притянула к себе его пальцы и задержала в своей ладони вместе с погасшей спичкой. Через мгновение спичка упала в росистую траву.

— Пускай,— сказал он.

Она не поднимала на него взгляда. Он молча взял ее за локоть и увлек за собой.

Глядя на свои незагорелые ноги, она дошла вместе с ним до края прохладного оврага, на дне которого, меж замшелых, поросших ивами берегов, струилась бесшумная речушка.

Он помедлил. Еще немного — и она подняла бы глаза, чтобы убедиться в его присутствии. Теперь они стояли на освещенном месте, и она старательно отворачивала голову, чтобы ему было видно только ниспадающую темноту ее волос и белизну предплечий.

Он сказал:

— Ты не обязана заходить дальше. В какой стороне твой дом? Можешь отправляться к себе. Но если убежишь, больше не приходи — я не стану такое терпеть ночь за ночью. Это не по мне. У тебя есть выбор. Хочешь — беги!

Мрак летней ночи вдохнул ее спокойное тепло.

Ответом была ее рука, потянувшаяся к нему.

* * *

На следующее утро, спустившись по лестнице, Хэтти застала бабушку, тетю Мод и кузена Джейкоба, которые за обе щеки уминали остывший завтрак и не сильно обрадовались, когда она тоже подвинула себе стул. Хэтти вышла к ним в унылом длинном платье с глухим воротом. Ее волосы были собраны в небольшую тугую кичку; на тщательно умытом лице бескровные губы и щеки казались совсем белыми. От подведенных бровей и накрашенных ресниц не осталось и следа. Ногти будто никогда не знали сверкающего лака.

— Опаздываешь, Хэтти, — как сговорившись, протянули все хором, стоило ей только присесть к столу.

— На кашу не налегай, — предостерегла тетя Мод. — Уже полдвятого. В школу пора. Директор тебе задаст по первое число. Нечего сказать, хороший пример учительница подает ученикам.

Все трое сверлили ее глазами. Хэтти улыбалась.

— За двенадцать лет впервые опаздываешь, Хэтти, — не унималась тетя Мод.

Все так же улыбаясь, Хэтти не двигалась с места.

— Давно пора выходить, — сказали они.

В прихожей Хэтти прикрепила к волосам соломенную шляпку и сняла с крючка свой зеленый зонт. Домочадцы не спускали с нее глаз. На пороге она вспыхнула, обернулась и посмотрела на них долгим взглядом, будто готовилась что-то сказать. Они даже подались вперед. Но она только улыбнулась и выскочила на крыльцо, хлопнув дверью.

БОЛЬШОЙ ПОЖАР

1949

В то утро, когда разгорелся большой пожар, домочадцы оказались бессильны. Пламенем объяло мамину племянницу Марианну, которая гостила у нас, пока ее родители путешествовали по Европе. Так вот: никто не сумел разбить стекло установленного на углу огнетушителя в красном кожухе, чтобы, щелкнув тумблером, включить систему борьбы с огнем и вызвать пожарных в железных касках. Вспыхнув ярче целлофановой обертки, Марианна спустилась в столовую, издала то ли вопль, то ли стон, плюхнулась на стул и едва притронулась к завтраку.

Мама с отцом так и отпрянули — на них повеяло нестерпимым жаром.

— Доброе утро, Марианна.

— А? — Марианна посмотрела сквозь них и рассеянно произнесла: — А, доброе утро.

— Как спалось, Марианна?

На самом-то деле они знали, что ей вообще не спалось. Мама налила Марианне воды, и все ждали, что в девичьих руках из стакана повалит пар. Бабушка, устроившись в своем обеденном кресле, изучила воспаленные глаза Марианны.

— Да ты нездорова, только это не вирус, — заключила она. — Под микроскопом и то не разглядишь.

— Что-что? — переспросила Марианна.

— Любовь — крестная мать глупости, — некстати высказался отец.

— Все пройдет, — обратилась к нему мама. — Это только кажется, что девушки глупенькие, — потому что любовь плохо влияет на слух.

— Любовь плохо влияет на вестибулярный аппарат, — сказал отец. — От этого девушки падают прямиком в мужские объятия. Уж я-то знаю. Меня чуть не раздавила одна молодая особа, и могу сказать...

— Тише ты! — Мама, покосившись в сторону Марианны, нахмурилась.

— Да она не слышит: у нее ступор.

— Он сейчас подъедет на своей колыхаге, — шепнула мама, обращаясь к отцу, словно Марианны рядом не было, — и они поедут кататься.

Отец промокнул губы салфеткой.

— Неужели наша дочь была такой же, мамочка? — спросил он. — Что-то я подзабыл — она уж давно самостоятельная, столько лет замужем. Не припоминаю, чтобы она так же глупила. Когда девушка в таком состоянии, у нее ума не заметно. Мужчину это и подкупает. Он себе думает: «Симпатичная дурешка, обо мне мечтает, женюся-ка я на ней». Женился, а наутро просыпается — мечтательности как не бывало, откуда ни возьмись мозги появились, барахло уже распаковала, лифчики-трусики по всему дому развешивает. Того и гляди, в бечевках и веревках запутаешься. А мужу из целого мира остается крохотный островок — гостиная. Потянулся за медом, а угодил в медвежий капкан; радовался, что поймал бабочку, а пригляделся — оса. Тут он начинает выдумывать себе увлечения: филателия, масонство, а то еще...

— Хватит, сколько можно! — вскричала мама. — Марианна, расскажи-ка нам про своего молодого человека. Как его там? Айзек ван Пелт, верно?

— Что-что? А... да, Айзек.

Всю ночь Марианна металась в постели: то хватала томик стихов и разбирала витиеватые строки, то переворачивалась со спины на живот, чтобы поглядеть в окно на сонный мир, залитый лунным светом. Всю ночь ее истязал аромат жасмина и мучила необычная для ранней весны жара (а термометр показывал пятьдесят пять по Фаренгейту¹). Загляни кто в замочную скважину — увидел бы в кровати полудохлого мотылька.

А наутро она встала перед зеркалом, хлопнула в ладоши над головой и спустилась к завтраку, едва не забыв натянуть платье.

За столом бабушка то и дело чему-то посмеивалась. Наконец она не выдержала и сказала вслух:

¹ Тринадцать по Цельсию.